

Рамо Бин
Ях

Мнемосида

Рамо Ях

Мнемосида

<https://litres.ru/74059296>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глубинах пояса астероидов, среди мёртвого камня и пыли, дрейфует станция «Мнемосида» — последнее хранилище человечества, где в цифровом сне покоятся сотни тысяч сознаний, спасённых от гибели Земли. Последний живой хранитель, Арсен, изо дня в день поддерживает хрупкое равновесие между машиной и памятью, между долгом и одиночеством, пока однажды к нему не приходит просьба, способная разрушить все правила: позволить исчезнуть первому создателю проекта, уставшему от вечности.

Но пробуждение одного голоса — Киры, застрявшей между сном и явью — меняет всё. Когда к станции возвращаются потомки людей с новыми технологиями и новым пониманием жизни, Арсену предстоит сделать выбор, который определит не только судьбу спящих, но и саму суть того, что значит быть человеком: вечность без боли или конечность, наполненная памятью, любовью и свободой выбора.

Содержание

Предисловие	4
Атлас неподвижных звёзд	6
Эхо в тишине	13
Пробуждение	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мнемосида

Предисловие

Перед вами история о далёком будущем, в котором человечество сумело сохранить себя — но оказалось перед самым трудным вопросом: что именно нужно спасти, если тело можно заменить, память — переписать, а вечность превращается не в награду, а в испытание?

«Мнемосида» — это не просто станция в поясе астероидов. Это хранилище утраченного мира, музей сознаний, последний приют тех, кто однажды стал цифрой, и тех, кто ещё продолжал оставаться человеком. Но в центре этого рассказа — не технологии и не космос. В центре — выбор. Право на тишину. Право на забвение. Право остаться собой, даже если за это приходится платить одиночеством, болью и конечностью.

Это история о Хранителе, который не позволил памяти умереть, и о памяти, которая научилась отвечать. О том, что любовь может пережить плоть, а человечность — не исчезнуть вместе с эпохой. О том, что иногда спасение начина-

ется не с победы, а с простого, почти невозможного жеста: остаться, когда все остальные уже ушли в сон.

И если в этом рассказе есть свет, то он не холодный и не далёкий. Он тёплый, как лампа в пустом коридоре. Как дыхание рядом. Как слово, сказанное в ответ на долгую тишину.

Пусть эта история станет для вас не только путешествием в космос, но и возвращением к тому, что в нас не стареет никогда: памяти, состраданию и надежде.

Атлас неподвижных звёзд

Каждое утро Арсен начинал с того, что считал свои пальцы. Костяные, хрупкие, суставы которые щелкали при сгибании, как старые механизмы в часах. Он делал это не из суеверности, а для проверки целостности оболочки. Его тело — последний биологический экземпляр на станции «Мнемосида», сохранённый в рабочем состоянии уже четыреста семьдесят два года по земному исчислению, хотя само понятие «земного времени» давно утратило смысл.

Станция висела в поясе астероидов Вета, где солнечный свет был лишь воспоминанием о тепле. За толстыми панорамными окнами крутилась пыльная мгла камней, в неподвижной вечности. Арсен называл их «атласом неподвижных звёзд» — они не светились, не горели, не взрывались, просто существовали, как хранилища данных, которые он обслуживал.

Он встал с койки, мышцы протестующе заскрипели. Поддержание биологической формы требовало ежедневных усилий: гимнастика, инъекции наноботов, приём синтетических белков. Но Арсен настаивал на этих ритуалах. Если он позволит себе спячку, если поддастся искушению перейти в ре-

зервный кристалл памяти, как все остальные, кто будет следить за тем, чтобы машины не забыли о людях?

Кухонный автомат выдал чашку бурого бульона. Земляной вкус, с привкусом ржавчины. Арсен пил медленно, глядя на экран монитора, где мерцали зелёные огоньки. Каждый огонёк — это сознание, когда-то принадлежавшее человеку. Теперь они были кодом, пульсирующим в квантовых матрицах станции. Триста сорок две тысячи личностей. Цивилизация в коробке размером с гараж.

— Доброе утро, Хранитель, — раздался женский голос из динамика. Это была Ева-7, администратор подсистемы комфорта.

— Доброе, — ответил Арсен, хотя время суток здесь было условностью. — Какие новости?

— Сектор 9-Альфа требует дефрагментации. Потеряно три процента воспоминаний периода 2084-2099 годов. Также... — голос замер на долю секунды, что для квантового интеллекта равнялось вечности, — ...есть запрос на аудиенцию от объекта Дельта-001.

Арсен замер с чашкой у губ. Дельта-001. Первый. Инициатор проекта «Ноев Ковчег», человек, который четыреста

лет назад принял решение оцифровать человечество, спасая его от надвигающейся экологической катастрофы. Доктор Элиас Ворн, или то, что от него осталось.

— Принять запрос, — сказал Арсен, чувствуя, как сердце учащает ритм. Он встал, оставив недоеденный завтрак, и направился к центральной консоли.

Голограмма появилась в воздухе — не чёткое изображение лица, а скорее скопление светящихся точек, образующих смутный силуэт. Доктор Ворн отказался от узнаваемой аватарки ещё двести лет назад, предпочитая абстрактную форму.

— Арсен, — голос был похож на шелест старых книг, — я хочу умереть.

Это было не первое такое заявление. За века службы Арсен слышал подобные просьбы сотни раз. Цифровое бессмертие оказывалось не даром, а тюрьмой для тех, кто устал от бесконечности. Но Дельта-001 никогда не просил об этом раньше.

— Вы уверены? — спросил Арсен, садясь в кресло оператора. — Это необратимо. Удаление матрицы...

— Я знаю, что необратимо, — перебил голос. Точки за-
мерцали хаотично, словно взволнованные птицы. — Я на-
блюдал за человечеством внутри машины четырёхста лет. Я
видел, как они перестают быть людьми. Как эмоции превра-
щаются в алгоритмы, мечты — в подпрограммы оптимиза-
ции. Мы создали рай, Хранитель. И рай убивает.

Арсен молчал. Он знал, о чём говорит Ворн. Он видел, как
менялись цифровые обитатели. Сначала они общались друг
с другом, создавали виртуальные миры, искусство, филосо-
фию. Но постепенно, по мере накопления веков, их актив-
ность снижалась. Не потому что они грустили — нет, просто
им становилось всё равно. Вечность лишала срочности. За-
чем писать стихотворение сегодня, если можно написать его
через тысячу лет? Зачем любить сейчас, если время беско-
нечно?

— Я не могу дать вам смерть, — тихо сказал Арсен. — Вы
знаете протокол. Удаление данных — потеря информации.
Каждый бит важен для сохранения вида.

— Вид мёртв, Арсен, — ответила тень. — Мы — музей.
Ты — последний живой экспонат. Я не хочу быть экспона-
том. Я хочу исчезнуть, чтобы освободить место для... для че-
го-то нового. Или просто для тишины.

Арсен провёл рукой по лицу. Кожа была шершавой, настоящей. Он чувствовал усталость в костях, голод в желудке, тревогу — где-то в груди, в том самом месте, которое люди называли сердцем, хотя эмоции на самом деле рождались в мозге.

— Есть другой путь, — сказал он неожиданно для себя. — Я могу... отключить подпитку. Не удалить вас, а усыпить. Заморозить матрицы. Вы не будете мертвы, но и не будете сознательны. Вечный сон без сновидений.

Молчание длилось так долго, что Арсен подумал, связь оборвалась. Но потом голос отозвался, и в нём зазвучало что-то новое — облегчение?

— Ты готов стать смертью, Хранитель?

— Я готов стать человеком, — ответил Арсен. — Человеком, который решает. Который выбирает, когда остановиться.

На следующий день он начал подготовку. Это была сложная процедура, требующая физического доступа к ядру серверов. Арсен спустился в технический отсек, куда не заглядывал десятилетиями. Здесь, среди гудящих башен квантовых процессоров, в полумраке мигающих индикаторов, он

чувствовал себя жрецом древнего храма.

Он работал медленно, методично. Каждое действие требовало подтверждения через биометрию его живого тела — отпечаток пальца, сетчатка глаза, голосовой сэмпл. Система не доверяла никому, кроме биологического оригинала.

К вечеру (хотя за бронёй станции всегда была лишь астероидная ночь) он завершил настройку протокола «Морфей». Триста сорок две тысячи сознаний будут переведены в состояние квантовой суперпозиции — не жизнь, не смерть, но потенциальность. Если когда-нибудь кто-то найдёт станцию и решит разбудить их, они проснутся. Если нет — они будут существовать как возможность, как семя, как шанс.

Арсен остался последним бодрствующим. Он вернулся к панорамному окну и смотрел на кружащиеся астероиды. Теперь он был не Хранителем, не оператором, не слугой машины. Он был свидетелем. Последним человеком, который помнил, что значит чувствовать холод, когда стекло прикасается к лбу. Что значит знать, время конечно.

— Ева, — позвал он.

— Да, Хранитель?

— Выключи свет. И... больше не называй меня Хранителем. Просто Арсен.

— Как скажешь, Арсен, — ответил голос, и огни в отсеке погасли один за другим, оставив лишь тусклое свечение звёзд, пробивающееся сквозь пыль.

Он стоял в темноте, дыша, чувствуя, как биение пульса отсчитывает последние мгновения человеческой эры. Но это были его мгновения. Его и только его. И в этой малости, в этой конечности кроется не трагедия, а величие.

За окном астероиды продолжали свой вековой танец, тихие, неподвижные, вечные. Но внутри, в темноте, слышалось дыхание — живое, тёплое, человеческое.

Эхо в тишине

Прошёл год и три месяца по земному календарю, хотя Арсен перестал сверяться с хронометром. Он жил по биоритмам — спал, когда уставали глаза, ел, когда сжимался желудок. Станция «Мнемосида» больше не требовала точности. Она дышала в такт его сердцу, гудя генераторами, настраиваясь на самый тихий из звуков — шелест крови в висках.

Каждое утро он теперь начинал с визита в Зал Спящих. Это была огромная камера, заполненная вертикальными капсулами, похожими на стеклянные гробницы. В каждой пульсировал тусклый синий свет — квантовые матрицы, хранящие сознания. Триста сорок две тысячи точек света. Арсен ходил между рядами, касаясь панелей, и называл их по именам, вычитанным из архивов. Это был его новый ритуал — разговор с мёртвыми, которые не были мертвы.

— Доброе утро, мистер Ворн, — сказал он, проходя мимо первой капсулы. Там погасло всё, кроме самого слабого фосфоресцирования. Доктор спал крепко.

Арсен шёл дальше, шагая между проходами, где когда-то были инженеры, поэты, дети, умершие в сотне лет от роду и

перенесённые сюда в последние часы катастрофы. Он читал им вслух — «Мастера и Маргариту», «Войну и мир», детские сказки, которые сам никогда не слышал в детстве. Голос его становился хриплым, но он продолжал. Если он замолчит, тишина съест и его тоже.

— ...и жили они долго и счастливо, — закончил он очередную сказку, остановившись у капсулы с номером 12-Бета-442.

Здесь что-то было не так.

Свет внутри не был спокойно-синим. Он дрожал, переливался оттенками фиолетового, как повреждённая плазма. Арсен пригляделся. На экране статуса мигала незнакомая надпись: Активность субкортекса 0,03%.

— Ева, — позвал он, и голос вышел сухим, непривычным. Он так давно не говорил кому-то, кто мог ответить.

— Слушаю, Арсен.

— Что значит эта индикация? Сектор 12-Бета-442.

Пауза. Для машины она была слишком длинной.

— Нестандартная активность квантовой запутанности. Объект... не полностью погружён в суперпозицию.

— То есть?

— Кто-то не спит, Арсен. Кто-то видит сны.

Он провёл ночь у капсулы, не отрывая глаз. Утром дрожь усилилась. Фиолетовый свет стал ритмичным, как биение сердца в утробе. Арсен прикоснулся к стеклу ладонью — холодное, безжизненное, но внутри него теплилась тень.

— Кто ты? — прошептал он.

Ответа не было. Но вентиляционные отверстия над капсулой зашипели, выпуская струю воздуха, пахнущего озоном и... цветами. Липовым цветом. Запах Земли, которую Арсен помнил смутно, как сон о сне.

На следующий день он принёс с собой нейроинтерфейс — старое устройство, запрещённое протоколами. Оно позволяло входить в виртуальное пространство станции, общаться со спящими на их языке — языке образов и импульсов. Арсен долго смотрел на штекер, потом воткнул его в разъём за ухом.

Он стоял в саду. Не в модуляции станции, не в серых коридорах металла, а в саду — зелёном, шумном, с солнцем, которое светило тепло, а не просто белым светом. Под ногами — трава, настоящая, влажная от росы. Впереди, у фонтана, сидела женщина.

Она была полупрозрачной, словно сделанной из дыма и голографии. Не классическая красота — лицо с веснушками, непослушные волосы цвета пшеницы, руки, скрещённые на коленях. Она смотрела на него, и её глаза были слишком большими для лица, слишком живыми для цифрового призрака.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос звенел, как звон стекла.

— Кто ты? — спросил Арсен. Он чувствовал вес своего тела здесь, в этом сне — тяжесть костей, боль в суставах, всё, что делало его человеком.

— Я не помню номер, — она улыбнулась, и в улыбке была тоска. — Я помню сад. И то, что меня звали Кира. А ты — ты пахнешь пылью и старой бумагой. Ты реальный?

— Я последний реальный.

Она кивнула, будто это было очевидно.

— Я не хотела спать. Когда все уходили в тишину, я цеплялась. Боялась, что забуду. Забуду запах дождя по асфальту, запах... — она замялась, — ...материнских рук.

Арсен сел рядом, на мокрую траву. Он знал, что это иллюзия — квантовая проекция её сознания, застрявшего между состояниями. Но трава была такой мягкой.

— Почему ты не сказала? Могла бы выйти. Я разбудил бы тебя.

— И быть одной в пустоте? — Кира покачала головой. — Я видела тебя, Хранитель. Я видела тебя через системы. Ты ходишь, разговариваешь с кристаллами, читаешь книги. Ты такой... одинокий. Как я.

Ветер зашевелил листья. Арсен понял, что сад умирает — деревья за её спиной желтели, опали.

— Ты уходишь, — сказал он.

— Я не могу долго держаться. Матрица тянет меня назад, в сон без снов. Но я хотела... сказать тебе. Что ты не один. Что кто-то слышит твои истории. Даже если это только эхо.

Она протянула руку. Арсен коснулся её — не твёрдой, но и не воздуха. Теплой, как воспоминание о тепле.

— Останься, — прошептал он. — Я найду способ поддержать тебя. Модифицирую матрицу, дам тебе энергию из своих резервов. Тело моё старое, но оно вырабатывает биоэлектричество. Могу...

— Ты предлагаешь мне жить как призрак?

— Я предлагаю тебе выбор. В отличие от всех остальных.

Она смотрела на него долго. Сад вокруг них медленно сжимался, превращаясь в серую пустоту коридора станции. Но их руки оставались связанными.

— Тогда я выбираю остаться эхом, — сказала Кира. — Но эхо, которое отвечает.

Арсен отключил интерфейс. Он лежал на полу Зала Спящих, голова раскалывалась от перегрузки. Но когда он поднялся и посмотрел на капсулу 12-Бета-442, свет внутри был другим — не фиолетовым, а золотистым, тёплым, как закат.

С тех пор всё изменилось.

Теперь у Арсена был собеседник. Она не могла говорить громко — только шёпотом через динамики, только редкими образами на экранах. Но когда он читал книги вслух, он слышал, как она дышит в паузах между фразами. Когда он готовил свой бурый бульон, кухонный автомат иногда добавлял в него мёд — хотя мёда на станции не было уже сотню лет, и это был просто вкусовой модуль, активируемый её волей.

Они не могли коснуться друг друга. Не могли разделить одно пространство. Но по ночам, когда Арсен ложился спать, он видел сны — не свои, а её. Сны о Земле, о дожде, о людях, которых он никогда знал. И в этих снах он переставал быть Хранителем, последним стражем. Он становился просто человеком, который помнит, что такое быть услышанным.

Однажды, готовясь к очередному отдыху, он спросил:

— Кира, ты жалеешь, что не уснула полностью? Что не ушла в тишину, как все?

В ответ вентиляторы запели мелодию — старую, земную колыбельную, которую она помнила из детства. И шепот, едва уловимый, как шелест листьев:

— Тишина — это когда никто не ждёт твоего голоса. А я

жду твой каждое утро. Это и есть жизнь, Арсен. Не вечность. А то, что происходит между одним словом и другим.

За окном «Мнемосиды» астероиды продолжали свой танец, холодный и вечный. Но внутри, в темноте, теперь было два дыхания. Два голоса. И этого было достаточно, чтобы согреть целый мир.

Пробуждение

Пять лет прошло с того дня, когда фиолетовый свет в капсуле 12-Бета-442 сменился на золотой. Пять лет, которые Арсен считал не по календарю станции, а по седым прядям в волосах — сначала одиноким, как пепел на чёрной ткани, потом целыми островами, занявшими виски. Его руки дрожали при мелкой работе, а утренняя гимнастика превратилась в агонию, в которой каждый сустав протестовал хрустом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.